

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

А.В. Бузгалин¹,

докт. экон. наук, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова,

А.И. Колганов²,

докт. экон. наук, зав. лабораторией по изучению рыночной экономики МГУ имени М.В. Ломоносова,

А.И. Московский³,

канд. экон. наук, доцент экономического ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова

МАРКСИЗМ И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ⁴

В представленной статье авторы проводят сравнительный анализ современного марксизма и институциональной экономической теории и особо отмечают методологические и теоретические сходства и различия марксистской политэкономии и классического институционализма. Рассматриваются не только те общие черты, которые обычно выделяются во всех исследованиях (методологический холизм и т.п.), но также критический подход к «рыночно-центрической» модели экономической теории; наличие различных экономических систем и существование сложного комплекса качественно разных форм *современной* экономической жизни (не только рыночный, но и иные способы координации, включая планирование, отношения солидарности, сетевую кооперацию и т.п.; различные типы отношений собственности, экономических ценностей и мотивов и т.д.).

Показывается потенциал этих теорий в изучении социальных и экономических проблем. Принимается во внимание различие нового и классического институционализма.

Ключевые слова: экономическая теория, метод экономической теории, политическая экономия, марксизм, институционализм, сравнительный анализ, производственные отношения, институты, «маркето-центрическая» модель экономической теории.

Authors concentrate their attention on the comparative analysis of the modern Marxist political economy and institutional economic theory. Article articulate methodological and theoretical common features and differences between these schools.

¹ Бузгалин Александр Владимирович, тел.: +7 (903) 736-96-10; e-mail: buzgalin@mail.ru

² Колганов Андрей Иванович, тел.: +7 (926) 827-25-98; e-mail: onaglo@mail.ru

³ Московский Александр Иванович, тел.: +7 (499) 783-43-59; e-mail: amoskovskiy@yandex.ru

⁴ Авторы выражают искреннюю благодарность Р. Нурееву, чьи работы, в частности текст в книге «Постсоветский институционализм» (М., 2005) и проведенный в нем сравнительный анализ различных ветвей институционализма, существенно помогли нам в работе над докладом.

Among the most important features common for Marxism and 'classic' institutionalism, stressed by the authors, are not only typically mentioned (methodological holism and so on), but also: critical approach towards "market-centric" model of economic theory; distinction of different economic systems and existence of the complex, qualitatively different forms of economic life in *modern* reality (not only market, but also another types of coordination, including planning, solidarity, net-work cooperation and so on; different property relations; different types of economic values and motivations and so on).

Authors show potential of both schools in the research of the different social and economic problems, where and why different approaches of this two schools can be used as the most efficient instruments for the research of economic life. Authors also take into the account specific features of neo-institutional and classic institutional theory.

Key words: economic theory, method of economic theory, political economy, Marxism, institutionalism, comparative analysis, production relations, institutions, "market-centric" model of economic theory.

Сравнительное изучение двух ведущих школ экономической теории — чрезвычайно сложная задача. Оно требует не одной статьи, а развернутого исследования, в котором необходимо участие большого числа представителей и марксизма, и институционализма. Однако некоторые ключевые методологические и теоретические аспекты можно выделить предварительно. Этому и посвящен данный текст.

Серьезным препятствием для сравнительного анализа является то, что и марксизм, и институционализм внутри себя разделены на ряд течений, которые зачастую никак не связаны друг с другом по существу, кроме использования некоторых общих терминов. Например, так называемый аналитический марксизм, пытающийся рассматривать марксизм на основе принципа методологического индивидуализма, очевидно, не является марксизмом вообще. Если бы К. Маркс знал о таком «марксизме», он, скорее всего, еще раз повторил бы свою известную фразу: «Тогда я не марксист!». Ведь К. Маркс (совместно с Ф. Энгельсом) предложил (по словам одного современного институционалиста-классика) «мощное опровержение» методологического индивидуализма задолго до появления данного выражения в статье Й. Шумпетера в 1909 г. Это было сделано в работе «Немецкая идеология» (1846; раздел «Единственный и его собственность»), основное внимание в которой уделено разбору тезисов немецкого философа М. Штирнера.

Но и под вывеской «институционализм» публикуется немало сомнительных текстов, не имеющих ничего общего с идеями наиболее авторитетных представителей данной школы. Часто эти работы больше ориентированы на «интеллектуальную моду», на чисто внешние и формальные обстоятельства, чем на изучение эконо-

мической реальности и развитие собственно институциональной теории⁵. Поэтому для продуктивного сравнения марксизма и институционализма следует опираться на подлинность, или «аутентичность», как говорил Н.А. Цаголов, той и другой теории.

Еще одно, на первый взгляд формально терминологическое, обстоятельство, но тем не менее препятствующее формированию адекватного представления об институциональной теории и той реальности, которую она отображает, — ее названия: «институционализм», «неоинституционализм», «новый институционализм», «прикладная институциональная экономика», «современный институционализм», «старый и новый институционализм», «институциональный анализ». Это имеет особое значение для российской действительности, в которой институциональная тема появилась в 1990-е гг. и описывалась почти исключительно терминологией «нового институционализма». Почему возникло и существует такое многообразие обозначений? Необходимо ли оно?

На первый взгляд кажется, что такое множество названий обусловлено тем, что все они относятся к одному корпусу теоретических представлений, объединенных словом «институт». На самом деле имеет место огромная путаница, сопровождаемая невероятной эклектикой рассуждений, связанная с разным пониманием, а в ряде случаев отражающая полное непонимание предмета, метода, содержания институциональной теории. Это однажды вызвало крайнее раздражение академика Д.С. Львова, который заявил, что в методологических рассуждениях на темы институтов много «словоблудия, иначе не скажешь»⁶. И это не каприз, не недопонимание предмета именитым экономистом, поскольку под его руководством и с его авторским участием вышли две серьезные работы по институциональной проблематике.

Основная путаница связана с термином «неоинституционализм». Впервые данное название использовал признанный авторитет, можно сказать, патриарх классического институционализма М. Тул в своей докторской диссертации «Философия неоинституционализма: Веблен, Дьюи (Dewey), Эйрс (Ayres)» (1953). Этим названием он обозначил подъем второй волны классического институционализма (после всплеска своей популярности в 1930-е гг.

⁵ В 1990 г., когда уже вполне сформировалось направление, получившее название «новый институционализм», У. Даггер, американский экономист, которому близки идеи марксизма и институционализма, опубликовал статью с названием «Новый институционализм: новый, но не институционалистский». То есть новый институционализм относится к институционализму классическому (или старому) так же, как аналитический марксизм — к марксизму (*Dugger. W. New Institutionalism: New, But Not Institutionalism // J. of Economic Issues. 1990. Vol. XXIV. N 2*).

⁶ Homo Institutus — Человек институциональный / Под ред. О. Иншакова. Волгоград, 2005.

и некоторого ее спада к 1940-ым гг.), который начался в 1950-е гг. и продолжается до настоящего времени. Своей диссертацией М. Тул подчеркнул важный рубеж эволюции институционализма. Во-первых, осознание фундаментальной роли в нем философии американского прагматизма, отцами-основателями которого были Ч.С. Пирс, У. Джэймс и Дж. Дьюи. Без знания философии прагматизма институционализм как экономическую теорию трудно понять (так же как, по словам В. Ленина, без изучения логики Г. Гегеля нельзя понять «Капитал» К. Маркса). Во-вторых, М. Тул отмечает, что в середине XX в. важную роль в эволюции институциональной теории сыграл К. Эйрс. Он 40 лет читал лекции в знаменитой Техасской школе институциональной экономики в Остине, откуда вышла плеяда талантливых институционалистов, работающих во многих университетах и научных центрах Соединенных Штатов. Научный авторитет К. Эйрса был одним из решающих в сохранении и развитии институциональной традиции с 1930-х до начала 1970-х гг.

Но ни одна из работ К. Эйрса, основными из которых являются «Проблема экономического порядка» (1938), «Теория экономического прогресса» (1944), «Священное право капитала» (1946), «Индустриальная экономика: ее технологический базис и институциональная судьба» (1952), «К разумному обществу» (1961), или даже отрывки из них никогда не переводились на русский язык. Поэтому представления советских и российских экономистов об институциональной классике остаются крайне скудными, в них отмечаются некритично принятые сомнительные оценки даже весьма авторитетных ученых. Например, Й. Шумпетера, который считал, что американский институционализм представляет собой собрание ошибок немецкой исторической школы, а прародителем, или «отцом американского институционализма», является Г. Шмоллер. Достаточно хотя бы бегло ознакомиться со статьями Т. Веблена 1898—1907 гг., в которых он пытается уяснить для себя отличие нарождающейся неоклассической теории Д.Б. Кларка, А. Маршалла, австрийцев от предшествующих взглядов Ф. Кенэ, А. Смита, К. Маркса, Дж. Милля, и прочитать его одну более или менее законченную работу, чтобы не возникало сомнений в следующем: Т. Веблен был наследником и продолжателем не немецкой исторической школы, к которой относился с уважением, а классической политической экономии, развившейся на специфической интеллектуальной почве Америки. Т. Веблен слушал лекции Ч.С. Пирса и, хотя его курса не завершил, говорил потом, что Ч.С. Пирс оказал на него серьезное влияние.

В итоге с 1950-х гг. среди основоположников институциональной теории вместе с именами Т. Веблена и Дж. Коммонса называется нередко имя философа и педагога (что выглядит, кажется,

странно) Дж. Дьюи, хотя правильнее было бы добавить в этот ряд все же Ч.С. Пирса⁷.

До 1990-х гг. неоинституционалистами называли себя представители *классического* институционализма — от К. Эйрса до Р. Хейлбронера и Дж. Ходжсона. В связи с этим М. Тул в своей книге, изданной в 1995 г., иронично отмечал, что в 1990 г. Т. Эггертссон, видимо, ничего не знавший об этом, стал называть неоинституционализмом совсем другое теоретическое направление — новый институционализм, берущий свое начало, предпосылки, схемы рассуждений, философские основы не от Т. Веблена, Дж. Коммонса, У. Митчелла, Дж. Дьюи, а от неоклассической традиции.

Неоклассические корни нового институционализма открыто признают, но не афишируют сами представители этого направления (в России — Р. Капелюшников, А. Шаститко, В. Тамбовцев). Поэтому вряд ли можно согласиться с тем, что некоторыми авторами новый институционализм воспринимается как оппозиция неоклассики, а не ее специальное продолжение. В России принципиальный смысл нового институционализма как продолжения неоклассики в других, неэкономических областях социальной науки был раскрыт в глубокой, аргументированной статье Л. Кусургашевой⁸. Правда, автор использует при этом название «неоинституционализм». Следует подчеркнуть, что российский новый институционализм, в отличие от западного, часто именуется просто институционализмом или еще проще — институциональным анализом экономики, прикладной институциональной экономикой и даже современной институциональной экономикой, что не оставляет в современности места никакому другому институционализму. Новоинституционалисты полагают, что классический институционализм как реальное теоретическое направление сошел на нет в 1930—40-е гг., оправдывая тем самым свою претензию быть единственными представителями современного институционализма, точно так же как неклассическая ортодоксия мнит себя единственным представителем экономической науки (А. Либман, С. Гүриев).

Сравнивать марксизм с новым институционализмом можно, но это представляется малопродуктивным, поскольку их сходства и различия находятся не только в области экономики как объективной сферы бытия, но еще и в области права и политики — пространстве волевых субъективных отношений. Возникает проблема связи права и политики с экономикой и наоборот. В марксизме

⁷ См.: *Мировски Ф.* Философские основы институциональной экономики // Вопросы новой политической экономики. Альманах Костромского гос. ун-та. 2003. № 1—2.

⁸ См.: *Кусургашева Л.* Критический анализ основ неоинституционализма // Экономист. 2004. № 6.

они получили широкое освещение в сотнях работ, характеризующих прямые и обратные связи базиса и надстройки, производственных отношений, их юридических форм, политики. Попытка новоинституционалистов снять проблему заявлениями типа «нет права и политики без экономики, нет экономики без политики и права»⁹ выглядят неубедительно. По существу они уходят от проблемы, вызывая подозрения в том, что придерживаются идеи первенства права и политики («верховенства закона») над экономикой. Однако согласия по этому вопросу нет даже среди либеральной части российского сообщества. Например, известный российский политолог, либерал, М. Урнов резко критикует возможность исследования политических процессов инструментами неоклассики¹⁰.

Еще одна сложность сравнительного анализа (уже для любых теорий) связана с широкой пропагандой идеи постмодернистской «деконструкции» произведений искусства, знания, науки, философии, теорий, критериев научности и вообще всех смыслов. Это обстоятельство плохо осознается в российском обществе. Но оно распространяется в нем и стимулируется, в частности, сомнительной формулой плюрализма идей в научных дискуссиях («никто не имеет права на истину!»), в тени которой, однако, уже 20 лет настойчиво утверждается монополизм одной известной теории, одной идеологии и соответствующей единственно объективной научной картины экономики, политики, общества и вообще всего мира людей.

Поэтому, может быть, главная трудность сравнительного анализа марксизма и институционализма заключается в том, что если экономическая теория марксизма имеет систематическое и обстоятельное отображение, прежде всего в «Капитале» К. Маркса, которое дополнено по отдельным направлениям его последователями, то институционализм до настоящего времени не имеет ни одной работы, в которой идеи этого направления были бы представлены в более или менее систематизированной форме, подобной «Капиталу» или «Богатству народов» А. Смита.

Сравнение этих теоретических направлений, анализ взаимоотношений и сходства между ними очень давно является предметом интереса западных экономистов. Достаточно вспомнить мысль

⁹ Аузан А.А., Крючкова П.В., Тамбовцев В.Л. Институциональная экономика: Курс лекций. М., 2003. Т. 1. С. 33. Точное выражение этой идеи авторами следующее: «нет отдельно экономических правил, отдельно юридических правил». Авторы придерживаются представления, что «институты — это правила поведения с механизмами внешней поддержки и ограничения», воспринятого от Д. Норта.

¹⁰ Два года назад эту свою позицию М. Урнов аргументировал на традиционной апрельской конференции ВШЭ (см. также: Урнов М. «Экономический империализм» глазами политолога // Общественные науки и современность. 2009. № 4).

Дж. Коммонса о том, что первым институционалистом следует считать К. Маркса. Существует много распространенных суждений, подчеркивающих близость марксизма и институционализма. Например, по мнению многих институционалистов, то, что они называют институтами, в марксизме определяется как производственные отношения. Другие подчеркивают, что марксизм отличается от институционализма тем, что среди институтов он выделяет капитал как главный институт, который играет решающую роль в жизни капиталистического общества. Из недавних работ можно отметить следующие. В 2009 г. «Журнал институциональной экономики» опубликовал статью Дж. Коммонса, написанную им в 1925 г.¹¹, с развернутым комментарием редактора и издателя этого журнала Дж. Ходжсона, профессора Хэртфордширского университета Великобритании. В своей статье Дж. Коммонс аргументирует способы достижения неоднократно им озвученной заветной научной и гражданской цели — «сделать капитализм более добрым». В его работе часто фигурирует слово «reasonable» (разумный, благоразумный): *reasonable society*, *reasonable business*, *reasonable capitalism*. Автор полагает, что постоянным совершенствованием законодательства можно смягчить неизбежную классовую борьбу в обществе и достичь «разумной стабилизации капитализма». Указанной цели, видимо, служит и то, что Дж. Коммонс избегает термина «наемный рабочий», используя слово «wage-earner» (получающий плату за труд). Понятно, что это — пункт серьезной оппозиции марксизма институционализму Дж. Коммонса в целом, хотя проблема законодательства не является чуждой и марксизму. Но Дж. Коммонс близок марксизму в том, что он, в отличие от большинства институционалистов, вполне определенно истолковывает и понимает институты как формы коллективного действия (одна из его работ называется «Теория коллективного действия»). В них коллективность являет себя непосредственно, а не опосредована исключительно индивидуальным действием, как в теории группового действия М. Олсона — известного зачинателя нового институционализма. Абсолютизируя индивидуальное действие, М. Олсон обнаружил в коллективном действии единственное качество — склонность к оппортунистическому поведению, ставшее важным понятием и инструментом анализа нового институционализма.

Дж. Ходжсон является одним из самых авторитетных сегодня представителей классического институционализма. Он неоднократно бывал в России и прочитал несколько циклов лекций по проблемам институциональной и эволюционной экономики в Ин-

¹¹ *Commons J.R. Marx Today: Capitalism and Socialism (1925) // J. of Institutional Economics. 2009. Vol. 5. N 1. P. 117—136.*

ституте экономики. Его книга «Экономикс и институты» с подзаголовком «Манифест институциональной экономики» переведена на русский язык под названием «Экономическая теория и институты»¹².

В 2007 г. на конференции Европейской ассоциации эволюционной политической экономии (ЕАЕРЕ) французский институционалист Б. Шаванс представил свою статью «Пересечение теории Маркса с институциональной экономикой», в которой попытался выделить сходства и различия указанных выше теорий. Однако, выступая в 2010 г. с лекцией о развитии институциональной теории в Институте экономики, он сфокусировал свое внимание на институционализме классическом и представил институционализм как совокупность разнородных теорий. Характеристики «разнородности» в его лекции превалировали над характеристиками «единства». Наоборот, неоклассика, которая на данном мероприятии была представлена академиком В.М. Полтеровичем в виде вопросов лектору, выглядела теоретическим монолитом. Будущее же институционализма, которое Б. Шаванс пытался декларировать с оптимизмом, виделось весьма плачевным. Это лишний раз подтверждало давнее критическое замечание Д. Норта о том, что классический институционализм не имеет, «не нашел своего фокуса». Картина эта объективно ложна. Виновен в этом сам Б. Шаванс, поскольку он ни в своей лекции, ни в предложенных им материалах ни разу не обратился к вопросам о предмете, методе, философских основаниях институционализма.

Итак, задача определить отчетливо **объекты** сравнительного исследования представляет немалую трудность. Но она разрешима. В представленном тексте одним из таких объектов станет классическая марксистская политическая экономия в ее развитии, которое осуществлялось критическими школами Запада, СССР и РФ: от К. Маркса и Ф. Энгельса к К. Каутскому, В. Ульянову, Р. Люксембург, Д. Лукачу, А. Грамши, Э. Манделу, П. Суизи, И. Мессарошу. Особо нужно подчеркнуть роль Цаголовской школы МГУ в исследовании и развитии экономической теории К. Маркса. Пристальное внимание этой школы к теории К. Маркса обусловлено тем, что кафедра под руководством Н.А. Цаголова отважилась на амбициозный проект: раскрыть природу реально существующей системы социализма, ориентируясь на содержание и опыт К. Маркса в создании экономической системы капитализма. Теоретическая цель кафедры в проекте Н.А. Цаголова была определена как «создание системы категорий и законов социалистического производства». Огромное значение имело истолкование Ца-

¹² См.: Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. М., 2003.

головской школой *системы* не просто как внешнего вида теории, а как ткани самой экономической реальности, т.е. как свойства объективной действительности. Разработка названного проекта в высшей степени стимулировала мысль членов кафедры, и за короткое время появился ряд интереснейших трудов, не потерявших научной ценности и сегодня (статья Н.В. Хессина об «экономической клеточке», монография В.Н. Черковца о методологических принципах политической экономии как научной системы, книга В.П. Шкредова «Экономика и право», небольшая, но очень насыщенная статья К.П. Тронева о законе противоречия, коллективный труд «Курс политической экономии» под редакцией Н.А. Цаголова, выдержавший три издания).

Наследником проекта Н.А. Цаголова стала *постсоветская школа критического марксизма*. Ее участники проводили анализ разработок своих предшественников, результаты которого можно найти в трудах М. Воейкова, С. Дзарасова, авторов этой статьи и др.¹³

Другими объектами исследования будут классический институционализм (Т. Веблен, Дж. Коммонс, У. Митчел, К. Эйрс, Дж. Гелбрейт, У. Сэмюэлс, Ф. Мировски, Дж. Ходжсон) и новый институционализм (А. Алчян, Г. Демсец, Г. Беккер, Р. Коуз, Д. Норт, О. Уильямсон и их последователи; отчасти — Дж. Бьюкенен, Г. Таллок).

Учитывая неоднородность каждого из упомянутых течений и их существенные внутренние расхождения, авторами статьи используются характерные для течения в целом достижения, наиболее значимые для дальнейшего развития экономической теории и практики.

Итак, рассмотрим некоторые *сходные методологические разработки*, подчеркнув, что в большинстве случаев историческое и теоретическое первенство принадлежит марксизму и общность просматривается, как правило, с *классическим* институционализмом. Для двух последних школ характерен методологический «холизм», акцент на действиях коллективных субъектов и социально-экономической обусловленности их поведения и интересов; индивид рассматривается как продукт определенной системы отношений (институтов). Данный метод обуславливает исследование преимущественно (марксизм) или в том числе (институционализм) *обще-*

¹³ Упомянем только отечественные работы по проблемам марксизма и институционализма последнего десятилетия, так как они менее известные, нежели работы западных классиков: Аузан А. Институциональная экономика. М., 2005; Бугалин А., Колганов А. Пределы капитала. Методология и онтология. М., 2009; Воейков М. За критический марксизм. Polemica с учеными. М., 2011; Дзарасов С., Меньшиков С., Попов Г. Судьба политической экономии. М., 2004; Московский А.И. Институциональная экономика. М., 2003; Олейник А. Институциональная экономика. М., 2000; Постсоветский институционализм / Под ред. Р. Нуреева. М., 2005; Шаститко Е. Новая институциональная экономическая теория. М., 2010; и др.

ственных отношений в экономической сфере и их многообразных субъектов, делая при этом акцент на сфере *производства*.

Особенно важно то, что и для того и для другого течения характерно принципиальное внимание к *«стыкам» экономических и неэкономических сфер* и их взаимодействиям, в частности: экономики и технологии, экономики и права, экономики и социальных отношений, экономики и политики, экономики и управления.

Наконец, обе школы делают акцент на *наличии различных, в том числе нерыночных, экономических систем* (способы производства в марксизме, «плановая и рыночная системы» у Дж. Гелбрейта, капитализм и посткапитализм у П. Дракера; некоторые шаги к изучению нерыночных параметров в неoinституционализме), а также *трансформационных процессах* (теории реформ, революций, конвергенции, смешанной экономики, переходных отношений и т.п.). Для современных представителей этих школ характерно особое внимание к глобальным проблемам (марксизм и классический институционализм последнего полувека).

Такая общность методологических подходов марксизма и классического институционализма позволяет продолжить размышления в области *сходства теоретических разработок данных школ*.

Во-первых, для обеих школ характерен вывод об изменении системы экономических, социальных и прочих отношений под влиянием совершенствования технологических процессов (производительных сил). В марксизме давно развиты теория империализма и государственно-монополистического капитализма, базирующаяся на исследовании обобществления (радикальный марксизм ленинского течения), а также теории социал-реформизма, опирающиеся на исследования научно-технической революции. Не менее известны и теории социализма, базирующиеся на исследовании прогресса ноосферы и креатосферы и т.п. В рамках классического институционализма известны теории нового индустриального и постиндустриального общества и т.д.

Во-вторых, для обеих школ типично выделение различных способов координации (а не только рынка и его «провалов»), в том числе новых отношений сознательного регулирования в рамках рыночной экономики (капитализма), привносимых государством и крупными корпорациями, способными оказывать локальное регулирующее воздействие на рынок. В марксизме это теории «подрыва товарного производства» (В. Ульянов) и «неполной плановости» (Цаголовская школа). Классический институционализм в свое время предложил теорию «плановой системы» (Дж. Гелбрейт). Новый институционализм также выделяет нерыночные способы координации и отмечает наличие у разных агентов экономики так называемой неравной «переговорной силы» и др.

В-третьих, обе школы уделяют много внимания исследованию отношений (прав) собственности и отношений между собственниками, менеджерами и работниками. Для обеих школ это одно из важнейших слагаемых экономической системы. Марксизм подчеркивает, что отношения собственности есть диалектическое единство экономических и правовых отношений (при определяющей роли первых), что они многообразны и различны в разных экономических системах и на разных этапах развития этих систем, что они являются одной из базовых детерминант социальной структуры общества, политики и идеологии основных классов. Марксизм делает акцент на социально-экономическом содержании отношений собственника средств производства и работника (различные формы отчуждения/присвоения/освобождения: от личной зависимости через наемный труд к свободной ассоциации работников). Кроме того, К. Маркс еще в «Капитале» сформулировал классический тезис о распадении капитала на капитал-собственность и капитал-функцию. В работах марксистов конца XIX — начала XX в. был произведен анализ особой роли управляющих в условиях империализма и чиновников в условиях государственно-монополистического капитализма с акцентом на проблеме бюрократизма. Классический институционализм проводит различие титула собственности и отношений распоряжения; именно данное направление известно разработками в области теорий «праздного класса», «революции управляющих», «техноструктуры» и т.п.

Наконец, и для марксизма, и для институционализма характерен особый интерес к качественным аспектам экономической динамики, социальным, гуманитарным, экологическим составляющим экономического роста и функционирования экономической системы, взаимосвязи структуры экономических субъектов и социальной структуры. Марксизм в этом случае делает акцент на проблеме социальной справедливости, на человеческих качествах как высшем критерии эффективности («люди, а не прибыль!»), предлагает различные версии эко-социо-гуманистической трансформации современной системы. Известна эта школа и тем, что выводит социально-классовую структуру общества из системы производственных отношений (классы как большие социальные группы, специфика которых обусловлена особым местом их членов в системе общественного воспроизводства, в том числе местом в системе производительных сил, отношениями собственности, способом и величиной дохода). Классический институционализм также акцентирует внимание на вопросах бедности, преодоления чрезмерной социальной дифференциации, перехода к модели sustainable development и др. Новый институционализм в меньшей мере рассматривает эти проблемы, хотя и для него характерны некоторые

исследования в области взаимосвязи системы «правил игры» и социальной структуры.

Однако наиболее любопытны **значимые различия марксизма и институционализма** (главный акцент здесь будет сделан на сравнении с классической версией последнего).

Для того чтобы проанализировать сходства и различия, родство и противостояние марксистов и институционалистов, полезно вспомнить одно рассуждение К. Маркса и Ф. Энгельса: «Способ, каким люди производят необходимые им жизненные средства, зависит прежде всего от свойств самих жизненных средств, находящихся ими в готовом виде и подлежащих воспроизведению. Этот способ производства надо рассматривать не только с той стороны, что он является воспроизводством физического существования индивидов. В еще большей степени это — *определенный способ деятельности* данных индивидов, *определенный вид их жизнедеятельности, их определенный образ жизни*. Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами»¹⁴. Наверное, любой институционалист-классик скажет: «Так понимает действительность институционализм. Надо только добавить сюда еще способ думать». Термин «образ жизни», или «way of life», широко использует и Т. Веблен в своей работе «Теория праздного класса». Но в чем тогда состоит отличие марксистов и институционалистов? Отвергает ли экономическая теория К. Маркса приведенное выше рассуждение? Вовсе нет. «Способ деятельности», «вид жизнедеятельности», «образ жизни людей», которые и есть с точки зрения институциональной классики институты данного общества, показывают то, как определенный способ производства представлен [исследователю] практически, эмпирически, конкретно-фактически и в этой определенности может анализироваться, систематизироваться, описываться, обобщаться. Именно *многообразие этих форм в их целостности [и эволюции]* становится объектом интереса институционалистов. Но данные формы, данные институты являются для них не столько предметом, сколько объектом их теоретических исследований. Как говорит У. Сэмюэлс: «Центральной проблемой, определяющей предмет их исследований, является организация и контроль в экономике в целом...»¹⁵.

Продолжим наши размышления разбором проблем методологии. Для марксизма, как хорошо известно, характерен диалектический системный метод, в том числе принцип историзма, который позволяет взглянуть на экономику как совокупность возникаю-

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 3. С. 19.

¹⁵ Сэмюэлс У. Экономическая институциональная теория // Панорама экономической мысли в конце XX века: В 2 т. / Под ред. Д. Гринуэя, М. Блини, И. Стюарта. СПб., 2002. Т. 1. С. 126.

щих, развивающихся и умирающих систем, составляющих часть целостной теории общества. Такая методология включает развернутый анализ элементов, структур, взаимодействий (от производительных сил до политики и культуры), хотя при этом в марксизме относительно неразвиты целостные исследования всей совокупности различных пластов общественных отношений конкретных обществ в их историческом становлении и взаимодействии.

Классический институционализм также не чуждается диалектики¹⁶, но она не является основой его методологии. Кроме того, марксизм и институционализм не отказываются от применения математики для анализа экономики, но не делают из нее онтологию как неоклассика¹⁷ (речь идет о классическом, а не о новом институционализме).

И все же институционализм далеко не всегда дает целостную теорию общества в его исторической динамике (впрочем, у современных марксистов в этом отношении тоже не все очевидно), хотя теории постиндустриального общества, включающие значительные элементы марксизма (об этом прямо пишет «гуру» постиндустриализма Д. Белл) содержат достаточно целостный взгляд на глобальные трансформации. Большинство представителей институционализма проводят углубленные, но фрагментарные исследования конкретных проблем. Соответственно, в отличие от марксизма, исследующего системы производственных отношений в их генезисе, развитии и закате, институционализм делает акцент на исследовании институтов и их взаимодействий.

При этом остается не до конца проясненным вопрос о том, чем же отличаются производственные отношения и институты (в их классической интерпретации). На языке марксизма данное отличие можно описать следующим образом. Производственные отношения — объективные базисные (в пространстве производства, распределения, обмена и потребления) взаимодействия конкретно-всеобщих, а не абстрактно-всеобщих (охватывающих устойчивые и типические для определенной общественно-экономической формации) групп людей, характеризующих уровни и сущности, и явления экономических процессов. Институты на этом языке могут быть определены как подвижные, непосредственно зависимые и от субъективных факторов, гибкие формы взаимодействия осо-

¹⁶ Например, статья У. Сэмюэlsa, посвященная сравнительному анализу старого и нового институционализма, свидетельствует о свободном владении автором диалектическим методом мышления (*Samuels W. The Old Versus the New Institutionalism // Review of Political Economy. 1990. N 2*).

¹⁷ И.А. Болдырев, анализируя онтологию ортодоксальной (неоклассической) экономической теории, почти доказал, что ее онтологией является математика (См.: *Болдырев И.А. Онтология ортодоксальной экономической науки: проблемы построения и интерпретации // Вопросы экономики. 2008. № 7*).

бенных участников экономических процессов, описывающие явления, лежащие на стыке хозяйственных процессов и волевых отношений. Соответственно в той мере, в какой институты характеризуются как объективные, устойчивые, типические экономические феномены, имеющие то или иное (в том числе — неформальное) волевое оформление, марксист может их определить как формы производственных отношений. В последнем случае понятия «институт» и «форма хозяйствования» будут во многом совпадать по своему наполнению, хотя и существенно различаться по контексту.

Что же касается значимых различий и, более того, противоречий **марксизма и нового институционализма**, то, по мнению авторов статьи, они во многом те же, что и в случае сравнения марксистской политекономии и неоклассической экономической теории. Это противоположность методологии, аксиоматики, языка (диалектика — математическая логика и позитивизм, холизм — индивидуализм), существенные расхождения в трактовке основных понятий. Так, в марксизме *человек* есть производитель всех благ, творец истории и вместе с тем рефлексия *разнообразных* производственных и прочих отношений; его ценности и мотивы в мире отчуждения, как правило, социально-детерминированы и принципиально различны для разных экономических систем, классов и т.д. В новом институционализме, как и в неоклассике, человек — это более или менее рациональный индивид, максимизирующий полезность и минимизирующий издержки. При этом в подавляющем большинстве научных трудов под полезностью понимается увеличение денежного богатства и только в некоторых периферийных исследованиях отмечается наличие и иных долгосрочных ценностей.

В заключение следует отметить некоторые пункты, характеризующие относительные преимущества **потенциала рассматриваемых в статье школ для решения практических проблем**:

- взаимосвязь технологических, экономических и социальных процессов (марксизм и классический институционализм);
- взаимосвязь экономических и правовых сфер (институционализм (в обеих его разновидностях) и марксизм);
- системные трансформации, экономика, основанная на знаниях (марксизм и классический институционализм);
- «правила игры» конкретных экономических агентов в экономических системах, в том числе трансформационных (новый институционализм);
- экономические основы управления (марксизм, классический и новый институционализм);
- экономические основы социальной стратификации и взаимодействия основных социальных сил (марксизм и классический институционализм);

- закономерность, возможность и/или желательность революций и реформ (марксизм и классический институционализм);
- принятие хозяйственных и управленческих решений — заключение контрактов и т.п. (новый и классический институционализм);
- поведение индивидов на рынке (новый институционализм);
- «неформальная экономика» (новый институционализм и в меньшей степени современный марксизм);
- базисные экономические детерминанты общественного развития, в том числе социальной стратификации, политики, идеологии (марксизм);
- конъюнктура «политического рынка» (новый институционализм).

Названные выше сферы потенциально эффективного использования анализируемых течений указывают и на то, какие социально-экономические и политико-идеологические силы могут быть заинтересованы в использовании исследователями методологий и теорий марксизма, классического и нового институционализма, но это — тема, выходящая за рамки предмета данной статьи.

Список литературы

- Аузан А.* Институциональная экономика. М., 2005.
- Аузан А.А., Крючкова П.В., Тамбовцев В.Л.* Институциональная экономика: Курс лекций. Т. 1. М., 2003.
- Болдырев И.А.* Онтология ортодоксальной экономической науки: проблемы построения и интерпретации // Вопросы экономики. 2008. № 7.
- Бузалин А., Колганов А.* Пределы капитала. Методология и онтология. М., 2009.
- Воейков М.* За критический марксизм. Полемика с учеными. М., 2011.
- Дзарасов С., Меньшиков С., Попов Г.* Судьба политической экономии. М., 2004.
- Кусургашева Л.* Критический анализ основ неинституционализма // Экономист. 2004. № 6.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. Т. 3.
- Мировски Ф.* Философские основы институциональной экономики // Вопросы новой политической экономики. Альманах Костромского гос. ун-та. 2003. № 1—2.
- Московский А.И.* Институциональная экономика. М., 2003.
- Олейник А.* Институциональная экономика. М., 2000.
- Постсоветский институционализм / Под ред. Р. Нуреева. М., 2005.
- Сэмюэлс У.* Экономическая институциональная теория // Панорама экономической мысли в конце 20 века: В 2 т. / Под ред. Д. Гринуэя, М. Блини, И. Стюарта. Т. 1. СПб., 2002.
- Урнов М.* «Экономический империализм» глазами политолога // Общественные науки и современность. 2009. № 4.
- Ходжсон Дж.* Экономическая теория и институты. М., 2003.

Шаститко Е. Новая институциональная экономическая теория. М., 2010.

Commons J.R. Marx Today: Capitalism and Socialism (1925) // J. of Institutional Economics. 2009. Vol 5. N 1.

Dugger W. New Institutionalism: New, But Not Institutionalism // J. of Economic Issues. 1990. Vol. XXIV. N 2.

Номо Институтиус — Человек институциональный / Под ред. О. Иншакова. Волгоград, 2005.

Samuels W. The Old Versus the New Institutionalism // Review of Political Economy. 1990. N 2.